

И. Л. Фокин

СИСТЕМА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАНТА, ФИХТЕ И ШЕЛЛИНГА

1. Кант как основоположник современного университета

Величие Канта состоит, прежде всего, в преобразовании всего богатства идей эпохи Просвещения в одно замкнутое Целое. Творчески организующая сила кенигсбергского гения и коренится как раз в абсолютной убежденности в пребывании истины в формах самого познающего субъекта, и основная организующая сила кантовской системы заключается именно в живой вере в могущество разума. В этом центральном пункте заключается его истинное отношение к веку Просвещения, и именно здесь находится ключ к пониманию системы образования, построенной Кантом из этого нравственно-практического начала, в котором явственно проступают черты протестантского пиетизма.

Однако в отличие от всех предшествующих мыслителей Просвещения Кант не довольствуется одним лишь теоретическим познанием «всего существующего», но ищет глубочайшую сущность самого познающего разума, которую находит в убеждении моральной веры («искренность» и «откровенность»). Таким образом, благодаря Канту в немецкую философию проникает «научно обоснованное» могущество личной веры и убеждения. Синтез ясного рассудочного мышления с полной нравственного убеждения волей предопределил характер всего послекантовского развития философии.

Кантовская иерархия факультетов. Исходя из религиозно-нравственного принципа, из примата практического разума над теоретическим Кант выводит свою систему университетского образования, исходя из верховного понятия государства как высшей нравственной субстанции гражданского общества. Поэтому деление университета на факультеты, согласно Канту, определяется не собственно научным интересом, но отношением той или иной науки к целям и задачам государства. Это отношение к государству и устанавливает иерархию факультетов. Науки, которые влияют на общественную практическую жизнь, зависят от государства, и потому Кант называет их (вероятно, не без иронии) «высшими науками». Те же науки, которые независимы от государства, чья полная автономия есть условие самого их существования, являются согласно этому делению «низшими науками».

Соответственно, лучшей заботой государства о такой автономной науке будет не вмешиваться в ее независимые исследования. «Приблизительно таков был бы ответ философского факультета, — говорит Кант, — если бы правительство запросило его, какие теории должно оно предписывать ученым: только не мешать прогрессу познания и наук»¹. Причину же того, что зависимые факультеты оказываются «высшими», Кант объясняет из характера человеческих отношений: «Тот, кто может повелевать (хотя бы он и был, в свою очередь, покорным слугой другого), воображает себя важнее тех, кто (хотя и свободен) не может никем повелевать»². В то время как низшие науки, «теоретические», непосредственно не служат этим полезным целям государства, высшими науками оказываются все полезные с точки зрения государства, т. е. «практические», или позитивные, науки. Таким образом, «низшие» и «высшие» науки образуют противоположность теории и практики.

Исходя из того, что непосредственная и ближайшая цель государства заключается во благе своих сограждан, а человеческое благо имеет три главных определения (телесное — здоровье, общественное — справедливость, вечное — блаженство), то в зависимости от понимания блага выстраивается и иерархия всех наук в системе государственного университетского образования. Если государство строится по социал-демократическому принципу природного инстинкта как высшего определения блага, то на первом месте оказываются временные интересы, а на втором — вечные. При этом, добавляет Кант, среди временных будут отдавать предпочтение телесным, а потом уже общественным интересам. Переоценка всех ценностей в таком государстве наступит лишь тогда, когда благо будет оцениваться исходя из приоритета моральных ценностей.

Цель государства обуславливает его средства. Государство нуждается в защитниках вечного, общественного и телесного блага, т. е. в духовенстве, юристах и врачах; для подготовки этих «защитников народного блага» необходимо их образование с помощью практических (в смысле их необходимости для государственной цели) наук — теологии, юриспруденции и медицины, которые поэтому являются «высшими» факультетами университета. Исходя из приоритета вечного блага над временным (телесным и общественным), Кант отдает в идеальном государстве предпочтение теологии, за которой следует юриспруденция, а затем — медицина. Государство обязывает эти науки, существующие исключительно ради блага, своими предписаниями и уставом. Разумеется, эта зависимость различного рода, сообразна природе наук. Чем сильнее внутренняя зависимость факультетов, чем глубже она проникает само учение, тем «выше» факультет. Самый высший факультет поэтому теологический, самый низший — философский, ибо цель философского факультета — истина, независимая ни от какой общественной пользы и потому лишенная какого-то ни было практического значения для блага подданных. Единственное средство философии — автономный разум, который сам себе предписывает свои законы.

Итак, согласно Канту, философский факультет имеет целью разумное познание, которое в зависимости от своих первоначальных принципов бывает либо эмпирическим («историческим»), либо рациональным. Философский факультет универсален, ибо охватывает все исторические и рациональные науки, в которых ничто не принимается на «блаженную веру», нет никакого подчинения безусловным авторитетам, но основание и доводы действительны лишь постольку, поскольку они испытаны и доказаны. Здесь

¹ Кант И. Спор факультетов (1798) // Кант И. Собр. соч. Т. 6. — М., 1966. — С. 480.

² Там же.

все должно подвергаться испытанию, ничто не принимается просто как «данное». Это всецело критический факультет. Являясь универсальным, философский факультет включает в свою область также теоретический аспект наук «высших факультетов», а будучи критическим, он исследует те предпосылки, от которых «высшие науки» отправляются, не спрашивая об их разумности, просто как от уставов. Таким образом, философский факультет рассматривает, согласно Канту, тот же предмет, что и другие («высшие») науки, только он относится к нему критически, а те — позитивно. Отсюда и возникает, согласно Канту, неизбежный спор факультетов, представляющий собой вполне закономерный (а потому, говорит Кант, и дозволяемый) спор между рациональной и позитивной науками. Таким образом, здесь, как и по отношению к целям государства, выступает то же отношение: теоретической науки — к практической, критики — к догме, философии — к теологии.

Таким образом, система образования Канта, исходя из чисто этического, нравственного, а точнее, морального основания, коренящегося в цели государства, приходит, в конце концов, к чисто внешнему распределению наук в соответствии с их конечной (моральной) целью. Философия в результате (как и вначале) оказывается служанкой теологии, все утешение которой должно состоять лишь в субъективном понимании службы своим господам: несет ли она барыне шлейф сзади, или светит ей факелом впереди.

2. Становление послекантовской системы универсального образования

Воспитательная цель университетов. Подобно Канту, Фихте также исходит из примата нравственного вечного начала в процессе государственного строительства университетского образования. В лекциях о назначении ученого он углубляет и развивает свой взгляд на место ученого в системе универсального научного образования. Ученый, согласно этому взгляду, должен понимать условия современной эпохи и подготавливать будущую. Поскольку же цели и задачи университетского образования у Фихте, как и у Канта, рассматриваются еще относительно общего плана национального (т. е. государственного) воспитания, постольку у него речь идет о том, какой принцип (нравственного «блага», по Канту) следует положить в основу университета. Поэтому, когда в Берлине стал закладываться новый университет, вопрос о таком принципе (вместе с вопросом о характере реформы университетского образования) встал в связи с общим планом национального воспитания.

Отвечая на запрос времени о принципе университетского образования, Фихте издает отдельное сочинение: «План нового Берлинского университета» (1807), в котором он утверждает, что университеты должны давать именно то образование, в котором нуждается и на которое рассчитывает государство, входя как необходимый элемент в общую организацию национального воспитания³. Университеты должны быть, по мнению Фихте, прежде всего воспитательными, а не только учебными (или так называемыми свободно-образовательными) учреждениями. Существующие университеты, по мнению Фихте, совершенно лишены этого воспитательного характера.

³ Fichte J. G. *Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden neueren Universität*, 1807 // Fichte J. G. *Sämtliche Werke*. III Abth. Bd 3. — Berlin, 1846. — S. 95–204.

«В чем состоит основная цель университета?» — спрашивает Фихте. Высшей целью университета является воспитание при посредстве науки для науки. Студент и преподаватель должны быть настолько проникнуты наукой, чтобы всецело отдаться ей, «жить в ней» так, чтобы мысль и деятельность принимали исключительно научную форму. Лишь после того, как университетская жизнь выступит в этой научной форме, сама наука станет жизненным, способным к деятельности занятием — искусством. Этому «искусству науки», по мнению Фихте, можно и нужно учить в университете. До сих пор, говорит Фихте уже в речах к немецкой нации, немецкое национальное воспитание только призывало ученика к познанию первоначал науки, но эти призывы всегда оставались неисполнимыми, ибо эти научные первоначала оказывались несовместимыми с немецким национальным характером и вследствие этого чуждыми по отношению к принципам самой жизни. В противоположность этому новое национальное образование должно последовательно формировать и развивать у студента подлинное чувство действительной жизни. А для этого, по убеждению Фихте, совершенно недостаточно обычного обучения «будущей специальности», рассчитанного, главным образом, на дальнейшее устройство частной жизни выпускника (какое устройство, несмотря на свое полное оправдание с точки зрения общечеловеческой морали среднего человека, все же не имеет никакого права голоса в вопросе о конечной и главной цели всеобщего образования в стенах государственного университета). Главная причина этого несоответствия цели универсального образования и его действительного использования выпускником, превращающим университетский диплом в простое средство для добывания куска хлеба, состоит, согласно Фихте, в изначальном признании у выпускника свободной воли в исполнении своего профессионального предназначения после окончания университета. Именно в этом признании «свободной воли», говорит Фихте, стараясь как можно резче подчеркнуть основную мысль нового университетского образования, и состоит основная ошибка современного образования, которое обнаруживает полное свое бессилие и ничтожество, рассчитывая лишь на добрую волю выпускника. Ибо, признавая, что, несмотря на все многолетние усилия, воля универсанта по-прежнему остается свободной, т. е. «нерешительно колеблющейся между добром и злом», это так называемое университетское образование совершенно не может и не собирается (находя это попросту невозможным) его действительно образовывать! Напротив, новое университетское образование должно состоять именно в том, чтобы на той почве, которую оно предлагает для обработки, подлинная свобода воли заключалась в строгой необходимости истинно научных решений и невозможности принятия ничего произвольного и противоположного истине. Ведь цель всякого подлинного образования, напоминает Фихте, — произвести прочное, определенное, цельное духовное бытие, о котором можно будет сказать, что оно не только «развивается и процветает», но безусловно есть, и которое не может быть никаким иным, но только таким, каково оно есть. Если университетское образование не стремится к подобному бытию, то это уже не образование, а только некая бесцельная игра, подобная той, которой забавляют состоятельную молодежь в современных «университетах». Ибо если университет не формирует у своего выпускника подобного цельного духовного бытия, то в лучшем случае это лишь означает, что его образование еще не завершено. Тот, кому после завершения университета, нужно еще напоминать о подлинных целях науки и, стало быть, также о целях его собственных научных стремлений, показывает лишь то, что он вообще еще не обладает какой-либо определенной и действительной волей. В этом случае, как это обыкновенно и происходит, такой «специалист» будет действовать в сфере науки

только в силу мертвой традиции, так что бесполезно было бы ожидать от него каких-либо новаторских свершений или хотя бы просто «нестандартных решений и мыслей», требующих и предполагающих вполне уверенную в себе необходимую волю.

Школа искусства науки необходима, она завершает систему национального воспитания, основой которого служит общая народная школа, собственно зданием — средняя школа, а вершиной — университет. Развитие человека в целом есть дело сознательного национального воспитания, а не слепого случая. Поскольку всякая научная деятельность состоит в искусстве научного усвоения, понимания и, затем, преподавания, то подлинная задача университета заключается в воспитании искусства «научного пользования рассудком», которое должно, согласно Фихте, производиться на основе известных знаний, полученных студентом уже в средней школе. При этом университетское обучение должно предполагать в ученике не безмолвного слушателя, но живого собеседника, получающего знания в диалогической форме сократического преподавания. Поскольку же развития научного мышления можно достичь, лишь отдав всю свою жизнь задачам науки, то студент должен совершенно отделить себя от обыденной массы «ремесленников и тупо вкушающих жизнь горожан», изолировать себя от интересов обыденной общественной жизни и от тяжести ее забот, сосредоточив все свои интересы на науке. Цель университета — воспитать художников науки, которые были бы способны, в свою очередь, образовывать художников науки. Университет, таким образом, должен быть «профессорской семинарией».

Философия и особенные науки. Итак, основная идея университета, согласно Фихте, вытекает из понятия школы научного искусства. Поскольку философия есть наука вообще, т. е. всеобщая наука, охватывающая всю духовную деятельность, то она в качестве Наукоучения и должна упорядочить все области знания. Именно философию, согласно Фихте, надо превратить в научное искусство, а ее преподавание — в школу научного искусства. Поэтому задача «школы научного (философского) искусства» — учиться и учить философствованию, ибо любое специальное научное искусство сводится в конечном итоге лишь к применению всеобщего философского искусства. Однако преподаватель философского искусства не должен преподавать готовую систему философии, хотя она и есть у него, ибо так невозможно научить философствованию.

Школа философского искусства должна поступать так же, как философия, которая исходит всегда из основных принципов, спускаясь к особенным отдельным наукам: в основу всякой специальности она должна полагать «органическую целостность», или «энциклопедию» данной науки, благодаря которой каждая особенная наука связана с философией. Путем энциклопедического преподавания отдельных специальных наук в университетское преподавание вносится дух и метод философии. Под «энциклопедией» Фихте понимает не агрегат «разносторонних» знаний, но науку в ее внутренней завершенности и органической целостности. Таким образом, философия является самой всеобщей наукой, за которой по значимости следует, согласно Фихте, филология, «как общее средство всякого взаимопонимания». Математика и история суть отдельные науки. История делится, в свою очередь, на «историю текущих явлений» и «историю длящихся явлений» (т. е. естественную историю), теоретическую часть которой составляет естествознание.

Далее, университет как школа научного искусства не должен, согласно пониманию Фихте, делиться на «факультеты». Ибо, что касается научного пользования рассудком, теология и юриспруденция вполне совпадают с философией, филологией и историей, а медицина — с естествознанием, так что выделять их как отдельные предметы научно необоснованно⁴.

История, выполняющая свою цель и задачи университета, есть, согласно плану Фихте, одновременно история искусства науки. Непрестанный ход и прогресс научной жизни, в котором идет непрекращающийся рост научного искусства, накапливающего материал и благодаря философствованию расширяющего и проясняющего понятия завершает, таким образом, систему национального воспитания посредством университета⁵.

3. Система университетского образования Шеллинга 1802 г.

Таким образом, современное (послекантовское) понятие «образование» обозначает уже не только развитие и культивирование «природных задатков» и «способностей» человека. «Окончательная шлифовка понятия “образование”, сформулированная Гердером, — говорит Ханс Георг Гадамер, — закончилась в период между Кантом и Гегелем. Кант еще не употребляет слово “образование” именно в таком [“сверхприродном”] значении и в такой связи. Он говорит о культуре способностей (или “природных задатков”), которая в этом качестве представляет акт свободы действующего субъекта <...> Гегель, напротив, ведет речь о самообразовании и образовании, когда поднимает тот же вопрос об обязанностях по отношению к себе самому, что и Кант»⁶.

Это различие внутри понятия «образование» (Bildung) следует особенно подчеркнуть, переходя к более развернутому изложению системы образования Шеллинга, которое уже с необходимостью предполагает свое философское обоснование, некую систему философии, в основании которой лежит нечто, уже имеющее образ (Bild). «Именно в этом и состоит превосходство понятия образования по отношению к простому культивированию имеющихся задатков, от которых оно произошло. Культивирование задатков — это развитие чего-то данного; простыми средствами здесь выступают прилежание и привычка, перешедшие в простой навык. С идеей же образования существенно связано бытие самого духа»⁷. Ибо, разрывая с непосредственным и предметным, человек в процессе образования поднимается (или углубляется) до всеобщей природы своего существа, охватывающей одновременно теоретическую и практическую сферы. «Всеобщая сущность человеческого образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом <...> Образование — как подъем ко Всеобщему — является тем самым задачей человека, которая требует пожертвовать особенным ради Всеобщего»⁸.

⁴ Fichte J. G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden neueren Universität. 1807. — S. 115–163.

⁵ Фишер К. История новой философии. Т. VI. — СПб., 2004. — С. 641–651.

⁶ Гадамер Х. Г. Истина и метод. — М., 1988. — С. 51–52. Таким образом, *образование*, взятое в смысле *способа мышления*, не равнозначно *культуре* как развитию способностей или талантов.

⁷ Гадамер Х. Г. Истина и метод. — С. 53.

⁸ Там же. — С. 54.

Таким всеобщим основанием образования явилась на рубеже XVIII–XIX вв. эстетическо-философская система Целого, точнее, эстетическо-философская потребность эпохи в такой системе. Ибо именно эстетический, а не абстрактно-логический фактор оказал существенное влияние на развитие всей немецкой культуры. Именно благодаря эстетической потребности философии было предъявлено требование быть завершенной в себе, абсолютно цельной системой. Из глубины своей целостной сущности философия должна породить все свои отдельные положения и задачи и таким образом подойти к гармоническому примирению, к тождеству с самой собой — такова была эстетическо-философская максима этой великой эпохи.

Этот принцип целостности, абсолютного тождества и развился в философской системе Шеллинга, которая явилась основанием и одновременно высшим результатом немецкой культуры, последовавшей за эпохой рассудочного Просвещения.

Итак, согласно точке зрения, достигнутой Шеллингом к 1801 г. в «Изложении моей системы философии», Абсолютное Тождество есть сама Вселенная — непрерывный бесконечный ряд эволюционно прогрессирующих потенций как органическое живое Целое и абсолютная тотальность всех потенций. Точно таким же органическим Целым должна быть и одна единая Наука, которая есть не что иное, как форма выражения (или «отражения») самой Вселенной. И подобно тому, как отдельные единичные вещи и явления универсума как таковые не являются самой Вселенной, но, как выражается Шеллинг, находятся вне абсолютного тождества и для него (т. е. поистине) не существуют, так же и отдельные науки, занятые отдельными (единичными) явлениями и погруженные в единичное бытие как таковое, превращаются в механический агрегат, со всех сторон исследующий многообразный мир эмпирических единичностей. Лишь понимание каждой отдельной науки самой себя как органа живого единого Целого всех наук позволит ей правильно определить свое истинное место в ряду всех наук, со своей индивидуальной задачей и индивидуальным характером ее решения. В противном случае науки превращаются в лишенное понимания всеобщей цели и свободы производство, подобное умертвляющей дух механической работе заводов и фабрик. Поэтому в «Лекциях о методе университетского образования» (1803) Шеллинг подчеркивает мысль, высказанную впервые еще Аристотелем, о том, что академические научные занятия должны быть уделом свободных людей, а не рабов, исполняющих свою работу из каких-то частных и ограниченных целей.

Таким образом, в то время как Канта интересовал вопрос о порядке наук в университете, а Фихте — вопрос о направлении и методах университетской Науки, Шеллинг пытается объединить эти вопросы университетских наук и образования под единым руководством философского знания. Фундаментом такого знания служит для Шеллинга система абсолютного тождества, логически разработанная и спекулятивно выраженная им в «Изложении моей системы философии» 1801 г. «Особенному обучению отдельной дисциплине, — говорит Шеллинг, — должно предшествовать познание органического Целого всех наук. Тот, кто посвящает себя какой-то определенной науке, должен узнать сперва место, которое она занимает в этом Целом и тот особенный дух, который ее одушевляет, равно как и способ изучения, благодаря которому она присоединяется к гармоническому строению Целого, — следовательно, узнать также и то, каким образом он сам должен приступать к этой науке, чтобы мыслить ее не рабски, но

свободно и в духе Целого». Таким образом, «методика университетского образования состоит лишь в действительном и истинном познании живой связи всех наук», без которой «всякое наставление оказывается мертвым, бездуховным, односторонним и ограниченным»⁹.

Таким образом, Наука есть, согласно Шеллингу, цельная система развития, органическое единство, овладевающее историческим материалом, который выступает для нее как явление самого разума. Критическая же точка зрения Канта полагала это органическое Целое всей Науки распавшимся на рациональные и исторические (эмпирические) науки. Шеллинг, как и Фихте, утверждает самое тесное взаимодействие обоих научных направлений. Такое истинное познание возможно лишь на основе философского созерцания научного Целого, которое необходимо предшествует всякому истинному изучению и познанию. «Кто посвящает свое (весьма, впрочем, похвальное) прилежание подчиненной и ограниченной науке, тот не годится для того, чтобы возвыситься до созерцания органического Целого Науки». Только философия, согласно Шеллингу, обладает «идеей в самом себе безусловного знания, абсолютно Единого, в котором всякое знание также есть только единое, — идеей того Празнания (Urwissen), которое, расщепляясь лишь на различных ступенях являющегося идеального мира, простирается на все неизмеримое древо познания. В качестве знания всякого знания оно должно быть тем, что совершеннее всего выполняет и содержит требование или предпосылку, которая содержится во всяком его роде, — и не только для особенного случая, но и для абсолютно всеобщего. Если можно выразить эту предпосылку как согласие с предметом, как чистое разрешение особенного во всеобщее или как-нибудь еще, то подобное согласие немислимо ни вообще, ни в каком-либо отдельном случае без более высокой предпосылки, состоящей в том, что истинно Идеальное исключительно и без дальнейшего опосредования есть также истинно Реальное и что вне одного нет другого. Мы, собственно, не можем доказать само это существенное единство в философии, так как оно, скорее, есть вход во всякую научность; можно доказать лишь то, что без него вообще нет никакой науки, а также показать, что во всем, что претендует быть наукой, это тождество, или полное восхождение реального к идеальному [и, наоборот, возможность полного вхождения идеального в реальное] собственно и является целью. Бессознательно эта предпосылка лежит в основе всего того, чем славятся различные науки о всеобщих законах вещей (или природы вообще), равно как и в основании их стремления к познанию этих законов. Ибо эти науки также хотят, чтобы конкретное и непроницаемое, находящееся в особенных явлениях, разрешилось для них в чистую очевидность и прозрачность всеобщего разумного познания»¹⁰. Лишь вследствие непонимания всеобщего и абсолютного характера этой предпосылки философского знания можно допустить непризнание ее со стороны более ограниченных сфер (не-философского) познания.

Только признанием существования цельной системы развития абсолютного знания можно определить подлинно научные задачи, требующие разрешения, ибо они с необходимостью следуют из всеобщей системы наук в качестве ее «постулатов». Поэтому истинная философия в различных науках видит единое органическое Целое как живое древо познания, выросшее из единого корня. Такова, согласно Шеллингу, философия Абсолютного Тождества, система которого познает (или признает) «Абсолютный Разум»,

⁹ Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования. — СПб., 2009. — С. 5.

¹⁰ Там же. — С. 6–7.

«вечный Субъект-Объект», «Первичное Знание» первоначальным принципом, раскрывающимся во Вселенной в его цельности. Абсолютное есть первообразное, прообразующее, вечное знание: знание в его цельности есть отражение этого Абсолютного. От способности увидеть всякое (в том числе и особенное) знание в его связи с Изначальным и Единым зависит, осуществляется ли работа в особенной науке в духе и с тем высшим вдохновением, которое называют научным гением. «Всякая мысль, которая не продумана в духе Единства и Всеобщности (Ein- und Allheit), сама по себе пуста и негодна»¹¹. Всякое знание есть стремление к общению с Божественною Сущностью, есть участие в том знании, образом которого служит видимая Вселенная и которое зародилось в уме вечной власти.

Таким образом, основная идея Абсолютного Тождества состоит в том, что действительно только вечно развивающееся знание совершенного (или абсолютного) единства Идеального и Реального. Это Абсолютное Тождество Идеального и Реального и есть цель и условие для всякой науки, достойной этого имени. Ибо всякая наука должна стремиться, согласно Шеллингу, к совершеннейшему согласию мысли с объектом, которое уже предполагает действительное тождество обеих этих сторон («мысли» и «объективности»). Такое совершенное знание абсолютного тождества мысли и объективности и должно завершать эволюцию мира и внутреннюю его цель, совершенствуя и дополняя во Вселенной Божественное Откровение, являясь «образом Божественной Природы». Не удивительно, что утилитарная (т. е. несовершенная и подчиненная противоположности знания и деятельности) наука считает свое «знание» не целью, но только средством для внешней деятельности.

Итак, исходя из своей системы абсолютного тождества, Шеллинг сформулировал основную задачу философии (выявить вечное, единственно действительно существующее и развивающееся знание Абсолютного Тождества Идеального и Реального). После фрагментарного изложения своей системы философии в 1801 г., Шеллинг в «Лекциях о методе университетского образования» 1802 г. делает наконец попытку наглядного методологического разрешения этой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fichte J. G. *Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden neueren Universität*, 1807 // Fichte J. G. *Sämtliche Werke*. III Abth. Bd 3. — Berlin, 1846.
2. Гадамер Х. Г. *Истина и метод*. — М., 1988.
3. Кант И. *Спор факультетов (1798)* // Кант И. *Собр. соч.* Т. 6. — М., 1966.
4. Фишер К. *История новой философии*. Т. VI. — СПб., 2004.
5. Шеллинг Ф. В. Й. *Лекции о методе университетского образования*. — СПб., 2009.

¹¹ Там же. — С. 8.